

A black and white portrait of a young woman, likely the actress Fanyushka, wearing a dark hat and a fur collar. She is looking slightly to the side with a serious expression. The background is dark and out of focus.

молодая Раневская

это я,
Фанечка

Моя биография

Моя биография

Андрей Шляхов

**Молодая Раневская.
Это я, Фанечка...**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.101.1-1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шляхов А. Л.

Молодая Раневская. Это я, Фанечка... / А. Л. Шляхов —
«Издательство АСТ», 2016 — (Моя биография)

ISBN 978-5-17-099306-2

Новое – это хорошо забытое старое. О великой актрисе Фаине Раневской написано множество книг, но, тем не менее, в ее биографии осталось множество «белых пятен». Какие-то периоды описаны подробно, о каких-то почти ничего не известно. Обобщив большой материал, который собирался несколько лет, Андрей Шляхов написал новую книгу о Раневской, о ее бурной, богатой событиями молодости, полной творческих исканий и надежд, которым далеко не всегда суждено было сбыться. Читатели узнают много нового о любимой актрисе. Эта книга не пересказ старого материала на новый лад, она содержит много новых, ранее неизвестных фактов. «Моя биография сшита из ситцевых лоскутов, – говорила Фаина Георгиевна. – А мне так хотелось бархатного платья...»

УДК 821.101.1-1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099306-2

© Шляхов А. Л., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Шляхов

Молодая Раневская. Это я, Фанечка...

*«Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.
Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе...»*

Валерий Брюсов, «Сонет к форме»

© Шляхов А.Л.

© Фотоагентство «VOSTOCK Photo»

© ООО «Издательство АСТ», 2016

От автора

Бывают герои, с которыми не хочется расставаться.

Перечитаешь раз-другой то, что написал, и подумаешь о том, сколько всего осталось за рамками повествования.

Нельзя объять необъятное?

Можно! Главное – не торопиться...

Бывают герои, с которыми не хочется расставаться.

Фаина Раневская из таких.

И дело тут не столько в личных симпатиях, сколько в самой Раневской.

Многогранная личность...

Глубокая личность...

Неординарная личность...

Ключевое слово – «личность»!

Прочее несущественно.

Да, у меня есть свой собственный культ личности.

Культ личности великой актрисы Фаины Раневской.

«Великим актера делают не роли, а их содержательность», – говорила Фаина Георгиевна.

И она права, тысячу раз права.

Заставь дурака Богу молиться... То есть: если дать плохому актеру сыграть Гамлета или Чацкого, то ничего хорошего из этого не выйдет. Гамлета и Чацкого вы на сцене не увидите. Увидите только актера, который притворяется Гамлетом. Или Чацким. Или Катериной. Или Джульеттой...

Притворяться или быть? Вот в чем вопрос. Вот в чем суть. Вот в чем признак, отличающий Настоящего Актера от ненастоящего. Настоящие Актеры перевоплощаются в своих персонажей, а ненастоящие всего лишь притворяются ими.

«Пышка». Один из последних фильмов эпохи немого кино, советского немого кино. Немого кино, в котором зрителю должно быть безразлично, на каком языке говорят актеры, ведь речь передается при помощи титров. Все актеры говорят на русском, а Фаина Раневская – на французском. Таков был метод Раневской – вживаться в роль целиком.

Блажь? Пустяки? Мелочи?

В мелочах, говорят, скрыт дьявол. А талант не знает мелочей и не пренебрегает ими. Мелочь это штрих, мазок. Чем меньше мазков, тем бледнее образ. Чем больше, тем ярче...

У настоящего актера все образы яркие, рельефные...

Но дело не в этом.

А в том, что бывают герои, с которыми не хочется расставаться.

А если даже и захочется (ну, вдруг), то тебе не дадут этого сделать те, кто был знаком с Фаиной Раневской или с теми, кто был знаком с нею...

Я хочу выразить огромную признательность всем людям, которые пролили свет на малоизвестные страницы биографии Фаины Раневской. Я искренне горжусь тем, что написать мне их побудила моя книга о великой актрисе. Я очень старался, потому что невозможно не стараться, когда пишешь о симпатичном тебе лично человеке. И мои скромные труды разбудили отклик в сердцах читателей. Да такой, что в один день я понял – пора садиться за новую книгу.

Работа шла медленно, параллельно с работой над другими книгами, потому что для сбора материала мне пришлось встречаться со многими людьми и посетить дюжину библиотек, причем не только в Москве, где я живу, но и в других городах. Собранные материалы надо было обработать, а затем дать обработанному отлежаться. Поэтому работа над этой книгой заняла у меня около двух лет. Большой срок. Обычно я пишу быстрее.

Читатели могут обратить внимание на несовпадение некоторых фактов в этой и предыдущей книгах о Фаине Раневской. Кое-что уточнилось, поэтому факты не совпадают.

В эту книгу вошел далеко не весь собранный материал. Так что продолжение следует...

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить моих самых активных помощников, без которых не было бы этой книги. Андрей Сапожков, Елена Гербер, Татьяна Рыжова, Владимир Никольский, Ольга Смирнова, Светлана Полозова, Серафима Коган, Георгий Капанадзе, Анна Блупштейн, Рената Каулакене, Александр Карапетян, Ирина Баринова, Аида Гозман, Гузель Айдарова, Елена Меркулова, спасибо вам огромное! Без вас не было бы этой книги. И тем, кого я не назвал, но о ком я помню, тоже спасибо. В результате у нас получилась подлинно народная книга о Народной Актрисе! И это замечательно! У меня лично от восторга дух захватывает.

Надеюсь, что и читателям понравится. Книжки же пишутся для читателей...

Приятного чтения!

Глава первая

«Выбрось из головы эту блажь!»

*«Прекрасная пора была!
Мне шел двадцатый год.
Алмазною параболой
взвивался водомет...
И жизнь не большие весила,
чем тополевыи пух, —
и страшно так и весело
захватывало дух!»*

София Парнок, «Прекрасная пора была!»

– Выбрось из головы эту блажь! Что значит «призвание»? Чушь! Вздор! Вот найдем тебе достойного жениха, и тогда ты поймешь, какое призвание должно быть у женщины! Семья, а не театр – вот твое настоящее призвание!

При упоминании о замужестве у Фаины сводило челюсти оскоминой. Призвание? Разве сидение в четырех стенах, вышивание салфеток, распекание горничных и вечные споры с кухаркой можно называть высоким словом «призвание»? Это же ужасно скучно. Достаточно взглянуть на мать, у которой от такой жизни даже выражение лица сделалось скучным, а взгляд таким, что от него молоко скиснуть может. Вот если бы выйти замуж по любви, за человека, который поймет тебя и не станет препятствовать... Ха-ха-ха! О какой любви может идти речь? Отец обещает найти ей достойного жениха, то есть солидного немолодого мужчину, доказавшего обществу свое умение вести дела. Молодым отец не доверяет, считает их легкомысленными. Стоит только матери завести разговор о каком-нибудь молодом человеке (ах, как часты стали эти разговоры в последнее время!), отец сразу же обрывает ее. «Молодой человек – шкапулка без ключа, – говорит он. – Неизвестно, чего можно ожидать от юнца. Дети не всегда похожи на родителей. Отец может нажать состояние, а сын пустит его по ветру. Взять хотя бы Негропонте...»

Негоциант и пароходчик Дмитрий Негропонте был человеком хватким и оборотистым, а вот его старший сын Николай оказался совершенно неспособным к делу. Пока Негропонте-старший был жив, он держал Николая и остальных своих детей в крепкой узде, но после его смерти все пошло наперекосяк. Состояние начало таять, дела потихоньку приходили в упадок, да вдобавок другие братья-наследники затеяли тяжбу с Николаем, которому по завещанию досталось больше, чем им. «Был торговый дом, а осталось одно название», вздыхал отец, неодобрительно качая головой.

В последнее время в дом зачастили шадхены. Фаина без труда узнавала их по особому взгляду и привычке улыбаться на каждом шагу. Отец принимал их не в конторе, а приводил на второй этаж, в домашний кабинет, подальше от любопытных ушей. Сватовство – дело деликатное и пока дело не сладится, нечего давать почву их сплетен. Сглазить могут, да и репутации урон. Фаине пока что не предъявили ни одной фотографии жениха, но она чувствовала, что за этим дело не станет. Мать уже не раз намекала ей насчет того, что с замужеством тянуть нельзя, а отец говорил прямо: «Молодость – главный капитал невесты». Понимай так – ты, Фанечка, не красавица, если чем и можешь пленить жениха, так это свежестью. Ну и приданым, конечно.

Отец возражал против того, чтобы Фаина стала актрисой. Фаина возражала против замужества. Мать металась между двух огней, стараясь примирить мужа и дочь, отличавшихся одинаковым, «фельдмановским» упрямством. Она пыталась привлечь на помощь младшую дочь Беллу, чтобы та помогла «образумить» сестру, но Белла предпочитала не вмешиваться. Ей

казалось, что старшая сестра просто оригинальничает и вредничает. Ну о какой сцене можно говорить в здравом уме дочери одного из самых уважаемых коммерсантов Таганрога? Блажит Фаина, как есть блажит. Красотой не вышла (вся красота Белле досталась), вот и пытается чем-то другим эффект произвести. Ах-ах!

Отец подкреплял свое мнение длинными цитатами из Талмуда, от чего Фаину клонило в сон, и примерами. Самым любимым примером была дочь доктора Браиловского Сара. Рано овдовев, Браиловский не женился повторно, потому что не хотел приводить в дом мачеху для своей обожаемой Сарочки. Он всячески баловал единственную дочь, потакал любым ее капризам, а она отблагодарила тем, что связалась с социалистами, нашла среди них жениха и когда того отправили в ссылку, уехала за ним в Сибирь. Фаина немножко завидовала Саре, у которой в жизни случилась настоящая любовь. Ясно же, что без настоящей любви в Сибирь за женихом не поедешь, махнешь рукой и найдешь другого. А тут такое самопожертвование, можно только восхищаться! И решительностью Сариней тоже можно было восхищаться. Решила – и уехала, вот как! Правда, Браиловского Фаине было жаль. Он после всей этой истории сильно сдал, бедняжка. Поседел, сторбился и как-то весь потускнел. «С моим отцом такого не случится, – убеждала себя Фаина. – У него есть мама, брат, сестра. У него другой характер, совсем не такой, как у Браиловского. И еще...». На этом она спешила оборвать мысль и переключалась на что-то другое. Например, начинала думать о том, как блистательно она сыграла бы Раневскую в «Вишневом саде». Ей не хотелось лишний раз думать о том, что отец ее не любит. Он никогда не говорил об этом, но многое ясно без слов. Достаточно сравнить, как он смотрит на своих дочерей. На Фаину равнодушно-холодно, а на Беллу совсем иначе – тепло, не смотрит, а прямо любит. Есть чем любоваться, определенно есть. Белла – красавица. Стройная, изящная, легкая на ногу. Она не ходит, а порхает, как бабочка. И голосок у нее звонкий, как дюжина колокольчиков. И улыбаться она умеет обворожительно... Все есть у Беллы, кроме ума, но зачем ей ум при таких-то достоинствах? Ей мальчишки-посыльные уже записки от воздыхателей тайком носят. Белла читает записки, а потом рвет в мелкие клочки или украдкой кидает в печку. Эх, если бы Фаине кто-то написал романтическую записку, даже хоть и коротенькую, в два слова («люблю тебя», например), то она бы ее непременно сберегла на память. А Белле что – она сегодня одну записку порвет, а завтра две получит. Мама видит мальчишек, но помалкивает, потому что обмениваться записками с кавалерами не выходит за рамки приличия. Но когда Белла заикнулась о том, что хочет поехать на загородный пикник, который устраивало благотворительное общество «Ясли», мама твердо сказала: «нет, мала ты еще для таких развлечений!».

Цитат в Талмуде – десятки тысяч, примеров у отца тоже было много, потому что в таком большом городе, как Таганрог, много чего происходило, только запоминать успевай. Фаина могла противопоставить отцовским примерам всего два – Веру Комиссаржевскую и Сару Бернар. Сара Бернар выглядела убедительнее по двум причинам, потому что была еврейкой и имела мировую славу. Но отца и Сарой нельзя было пронять.

– Откуда она? – всякий раз спрашивал он, презрительно кривя губы и сам же отвечал себе: – Из Парижа? Вэй из мир!¹ Видел я этих французских евреев! Они только называют себя евреями...

– Ее знает весь мир! – не сдавалась Фаина.

– Богрова тоже знает весь мир! – парировал отец. – Что с того? Разве его отцу от этого лучше?

Фаина умолкала, не понимая, как можно сравнивать великую актрису с убийцей премьер-министра Столыпина. Мать тоже делала странные сравнения.

¹ «Больно мне!» (*идиши*). Выражение, соответствующее русскому «Боже мой!». – Здесь и далее примечания автора.

– Фанечка, ты же, слава Богу, не нуждаешься, как те бедные девушки, которым приходится выбирать между борделем и театром, – увещевала она. – Ну что за глупости? Что ты себе выдумала?

– При чем тут бордель?! – вскипала Фаина. – При чем?!

– А куда идти бедной девушке, о которой некому позаботиться и которая ничего не умеет? – удивлялась мать. – Только на сцену или в бордель...

Ничего не умеет! Насчет борделей Фаина ничего утверждать не могла, но пыталась объяснить маме, что на сцене надо уметь очень многое. В доказательство ссылалась на театральную студию Абрама Ягеллова, которую посещала довольно долгое время.

– Ах, брось! – обрывала мама. – Отец до сих пор упрекает меня за то, что я разрешила тебе учиться у этого шлемазла! Чему там можно было научиться? За что твой Абрам брал четыре рубля в месяц? Подумать только – четыре рубля!

За четыре рубля милейший Абрам Наумович учил декламации, мимике, жестам, танцам... Чему только он не учил, вплоть до специальных упражнений для тренировки памяти. С памятью у Фаины и без упражнений было в порядке, но после них она начала запоминать текст «с листа», с первого же прочтения. А еще Абрам Наумович научил ее правильно ходить, так, чтобы не бросалась в глаза косолапость, и помог немного выправить речь. Фаина начала говорить отчетливее и уже не так сильно заикалась. Насчет заикания Абрам Наумович обнадежил, сказав, что это от нервов и должно пройти. Он был прав. В студии, окруженная приятными людьми, Фаина почти не заикалась. А в разговоре с отцом запинаясь на каждом втором слове, и ее заикание обращалось против нее.

– Ты же «борух шейм квойд малхусой лэойлом возд»² гладко не можешь выговорить, а собралась в актрисы!

Что поделаться, не всем же так везет, как Комиссаржевской, родившейся в семье оперного певца, в сценической, можно сказать, атмосфере. В доме Фельдманов атмосфера была иной, конторской. Что на первом этаже, где находилась отцовская контора, что на втором, жилом – без разницы. Отец общался с домашними, как с подчиненными, горничные повадками походили на конторщиков и даже кухарка Фейгеле стучала ножом так, будто щелкала счетами – отрывисто и с недолгими паузами после трех-четырех ударов. И на обоих этажах говорили только о деньгах.

Мама спрашивала, чему учил Абрам Наумович, просто так, только для того, чтобы подчеркнуть, что вся эта затея определенно не стоила четырех рублей в месяц. Что творится в студии, ее не интересовало совершенно. На спектакли, которые время от времени ставили «студенты» (так звучно Ягеллов называл своих учеников), из всей семьи ходил только брат Яков. И то не столько ради сестры ходил, сколько ради воображалы Ривы Каплун, студийной примы, чтобы ей рецепты вместо записок писали! Отец же называл Абрама Наумовича «мешумадом»³, причем совершенно незаслуженно, только на том основании, что он сменил фамилию Говберг на звучный псевдоним Ягеллов. Фамилию сменил, а не веру, но отцу этого было достаточно.

«Капля камень точит» сказали не про Гирша Фельдмана. Сколько Фаина ни подступалась к отцу, ответ всегда был одним и тем же – выбрось из головы эту блажь! Актрисой ты не будешь! Что скажут люди? Как я буду смотреть им в глаза после такого позора?

«О каком позоре может идти речь?» – недоумевала Фаина. Не в бордель же она, в конце концов, собралась поступать, а на сцену. Поняв, что переубедить несговорчивого отца не удастся, упрямая дочь решилась на крайние меры. Жаль было терять время попусту, к тому же мать все чаще и чаще заговаривала о замужестве, а на днях вдруг захотела сделать дочери фотографический портрет и потащила Фаину к Иосифу Рубанчику, считавшемуся лучшим

² Отрывок из молитвы «Шма Исроэль».

³ Отступник, еврей, сменивший веру, выкрест (*иерит*).

фотографом Таганрога. В одном доме с ателье Рубанчика находились лучшая в городе парикмахерская и кабинет дантиста Бабуна, умевшего дергать зубы без боли. Короче говоря, полгорода видело, что Милка Фельдман привела к Рубанчику старшую дочь, и ни для кого не было секретом, для чего ей понадобились портреты. Фаина от смущения готова была провалиться сквозь землю и уже жалела, что поддалась уговорам матери. Уговорам? Мать вцепилась в нее мертвой хваткой (научилась у отца всему полезному) – оденься понаряднее и не забудь веер. Причесывала Фаину сама, шляпку на голове пристраивала добрых полчаса и всю дорогу талдычила, что перед камерой глаза надо раскрывать пошире («они у тебя такие выразительные!»), а рот держать крепко сжатым. Фаина так и сделала – зубы стиснула сильно-пресильно, аж скулы свело, а глаза выпучила. Фотография могла бы получиться замечательной, такой, что ее бы ни один шадхен в руки не взял, не то что кому-то показать. Но Рубанчик все испортил. Заохал, замахал руками и начал плясать вокруг Фаины и вертеть ее голову в разные стороны, делая, как он выражался, «кошерный ракурс». Голову вывернул до невозможности, принесенный из дома веер забраковал, сказав, что он слишком пышный, и дал один из своих, кружевной... Рубанчика за то и ценили, что он с каждым клиентом возился по часу, а тут такой заказ – целая дюжина карточек! «Куда столько?» – изобразила наивность Фаина. «Пригодятся», ответила мать, а Рубанчик сразу начал уверять, что такой красавице будет достаточно и одной карточки... Карточки получились ужасно пошлыми, но матери понравились. «У Рубанчика талант» – сказала она. Фаина ужаснулась про себя – неужели она вживую выглядит еще хуже?

Но затея с фотографиями дала повод заговорить об отъезде. Фаина нарочно выбрала время за ужином, когда вся семья в сборе, чтобы не говорить с родителями по отдельности. Больше разговоров – больше шуму, а толк одинаковый. Дождалась, пока отец выпьет вторую рюмку своей любимой изюмной водки, которая дома была круглый год, а не только на Песах, и сказала:

– Хорошо, что у вас останутся мои карточки. Будете смотреть на них и вспоминать меня!

– Ты опять за свое?! – отец, имевший обыкновение раздражаться в мгновение ока, стукнул кулаком по столу так сильно, что все, кроме него самого и Фаины, вздрогнули. – Никуда ты не поедешь! И довольно говорить об этом!..

Брат Яков, поняв, что дело закончится скандалом, неслышно выскользнул из-за стола. Сестра Белла явно хотела остаться, но мать взглядом указала ей на дверь.

– Выбрось из головы эту блажь! Ты никогда не станешь артисткой! – от ярости отец начал раскачиваться из стороны в сторону, словно на молитве. – Ты моя дочь и ты станешь делать то, что скажу тебе я! Сейчас я говорю – уйди и дай мне спокойно закончить трапезу!

Трясущейся рукой он налил себе из графина водки, причем не в рюмку, а в бокал, предназначенный для воды, и выпил залпом, как воду. Бокал на стол поставил так резко, что у того сломалась ножка. Мать схватила салфетку, чтобы собрать в нее осколки, но отец отстранил ее – не мешай! – и указал рукой на дверь.

– Ты говоришь, чтобы я ушла, и я уйду, – сказала Фаина, стараясь не сорваться на крик. – Совсем. Завтра.

Удивительно, но она ни разу не запнулась, несмотря на то, что внутри все так и клокотало от злости. «Ты никогда не станешь артисткой!.. Ты никогда не станешь артисткой!.. Ты никогда не станешь артисткой!..» – звучало в ушах гулким эхом, заглушая то, что говорил, точнее – кричал, отец. Но слова «не дам ни гроша» Фаина услышала, когда уже встала из-за стола. Опершись на стул, чтобы скрыть охватившую ее дрожь, она сказала:

– Мне ничего не надо. Сама заработаю.

– Где?! – всплеснул руками отец. – Где ты сможешь заработать?! Как?! Ты же ничего не умеешь!

– Научусь! – ответила Фаина, на лету меняя свои планы. – Поступлю в труппу Каралли, начну с небольших ролей...

– В труппу Каралли?! – переспросил отец, не веря своим ушам. – К этому мишугинеру⁴ Каралли, у которого артистки задирают на сцене юбки?! У приличных людей это называется развратом!

– Это называется – водевиль, – поправила Фаина, мысленно благодаря судьбу за то, что тяжелый разговор неожиданно складывается так удачно. – Я собиралась ехать в Москву и учиться в театральной школе, но раз уж ты не даешь мне денег, то придется поступать к Каралли. Завтра же утром пойду к нему в «Петербургскую» и попрошусь в труппу.

Дрожь вдруг исчезла, буря внутри улеглась, на смену волнению пришли спокойствие и усталость. Фаина чувствовала себя так, будто танцевала три часа без перерыва. Захотелось присесть. Она села на стул, сложила на коленях руки и посмотрела в глаза отцу. Взгляд отца казался застывшим, усы едва заметно подергивались, на скулах катались желваки – отец думал. «Немая сцена», – отметила в уме Фаина, представляя, как комично они выглядят со стороны – свирепый папаша, испуганная мамаша, которая все продолжает стоять с салфеткой в руках и их взбалмошная дочь. Водевиль! Настоящий водевиль! Только Ленского⁵ не хватает, чтобы все описать.

– Поезжай в Москву, – наконец-то сказал отец. – Дам тебе двести рублей на дорогу и буду высылать ежемесячно восемьдесят... нет – сто! Только умоляю тебя...

«Не поступай к Каралли», – мысленно договорила Фаина.

– ...будь благоразумна!

– И пиши каждую неделю! – вставила мать.

– Буду! – пообещала Фаина, радуясь, что все прошло так гладко и удивляясь тому, как это она раньше не сообразила припугнуть отца возможностью поступления в труппу Каралли. Нетрудно было угадать ход мыслей отца. Лучше уж отпустить дочь в Москву, так будет меньше ущерба для репутации. Дочь синагогального старосты в труппе Каралли – это «жених без невесты»⁶. В небогатом на пикантные события Таганроге такую новость будут обсуждать несколько месяцев.

Рано радовалась... Остынув, отец сообразил, что попался в силки, которые сам же и поставил. За завтраком он не проронил ни слова. Триста рублей – целое состояние, Фаина никогда столько в руках не держала! – передал через мать. В конторе орал на служащих так громко, что и на втором этаже было слышно. Обедать сели раньше обычного, потому что Фаине надо было ехать на вокзал к полудню. Есть никому не хотелось, рано еще, проголодаться не успели, да и чувства мешали. Чувства у каждого были свои. Фаина волновалась, не веря тому, что она покидает родительский дом. Отец злился. Мама от волнения места себе не находила. Яков радовался за Фаину. Белла отчаянно завидовала сестре, совершившей неслыханное – сумевшей настоять на своем. Кухарка Фейгеле, у которой Фаина ходила в любимицах (подневольные люди всегда сочувствуют нелюбимым детям хозяев), тоже переживала. Об этом можно было догадаться по тому, что борщ оказался пересоленным, а из фаршированной курицы перед подачей на стол не была вытащена нитка. Из-за этой нитки все и началось.

– Стоит одному столбу пошатнуться – и дом рухнет! – сказал отец, наблюдая за тем, как его жена освобождает курицу от нитки. – Теперь у нас все пойдет наперекосяк! Раби Шимон бен Гамлиэль говорил...

Фаина с тоской подумала о том, что скандала на дорожку избежать не получится. Но она и представить не могла, каким окажется этот прощальный скандал. После того, как она в третий раз ответила «нет, я не останусь» и ушла к себе одеваться, отец набросился с упреками

⁴ Чокнутому (*иди*).

⁵ Ленский (Воробьев) Дмитрий Тимофеевич (1805–1860) – русский драматург и актер, автор множества водевилей, имевших большую популярность в XIX и начале XX в.

⁶ Еврейское выражение, используемое для характеристики чего-то невероятного, небывалого.

на мать. Заодно досталось и Якову, ему часто доставалось без причины, поскольку отец считал, что сыновей надо держать в большей строгости, нежели дочерей. Дочь – отрезанный ломоть, а сын – наследник, надежда и опора. Белла кое-как успокоила отца, она хорошо умела это делать. Стоило ей обнять отца и начать ворковать ему на ухо «папочка ты мой любимый», как отец сразу же утихал. На этом все бы могло и закончиться, но на нервной почве отцу стало не хватать воздуха и он вышел на балкон. Вышел в тот самый момент, когда Фаина с Яковым, поехавшим ее провожать, садились в коляску.

– Одумайся! – закричал отец на всю улицу. – Одумайся, Фаина!

Яков замешкался у коляски, кучер Мойше уставился на хозяина в ожидании распоряжений.

– Поехали! – Фаина ткнула Мойше кулаком в спину, опасаясь, что отец прикажет ему оставаться на месте.

Впрочем, это ничего бы не изменило. Рубикон был перейден. Фаина уехала бы на извозчике или даже ушла бы пешком, бросив чемоданы. Самое важное – деньги и паспорт – находилось в сумочке, которую Фаина крепко прижимала к груди.

Тычок был таким сильным, что едва не сбил тщедушного Мойшу с козел. Мойше от неожиданности крикнул и дернул вожжами, лошадь резко тронула, Фаина откинулась на спинку сиденья.

– Убирайся прочь! Живи, как знаешь! – кричал ей вслед отец, напрочь забыв о приличиях.

Он кричал громко и долго. Его мощный бас преследовал Фаину едва ли не до самого вокзала. Или то эхо звучало в ушах? Но Фаине было не до отцовских «благословений». «Вырвалась! Вырвалась! – ликовала она, пьянея от счастья все сильнее и сильнее. – Смогла! Смогла! Смогла! Ура! Теперь я все смогу! Все! Все-все-все!»

Фаина ехала в Москву первым классом, и настроение у нее было соответствующим, первоклассным.

Глава вторая

Москва бьет с носка

*«К вам всем – что мне,
ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви...»*

Марина Цветаева, «Уж сколько их упало в бездну...»

Распоряжаться деньгами Фаина не умела совершенно. Триста рублей, казавшиеся огромной суммой, растаяли быстро. Сама виновата, нечего было останавливаться в дорогом «Марселе», где номер с телефоном стоил пять рублей. Пять рублей! Но зато здесь был телефон. Номер с телефоном – это же так замечательно, современно! Пусть даже и звонить некому. Фаина разочек попробовала позвонить в Художественный театр, но с ней разговаривать не стали – пробурчали что-то в ответ на робкий вопрос и разъединились.

Дело было не столько в пятирублевом номере, сколько в магазине «Жак», находившемся в том же доме, что и гостиница. Заглянув туда из любопытства, Фаина сразу же поняла, что она одета, как пугало. На улице у нее от московского многолюдья кружилась голова и было не до рассматривания чужих нарядов, а в магазине этому занятию можно было предаваться спокойно. Приказчики у «Жака» были высшего класса. Они не набрасывались на каждого вошедшего коршунами, а давали возможность оглядеться и предлагали наряды неназойливо, неспешно. Доверительные советы сопровождались многозначительными взглядами... Ну разве можно было устоять? Цены, конечно, были под стать заведению – не высокими, а прямо заоблачными, поэтому Фаина купила всего два платья – шерстяное строгое цвета бургунди и голубое атласное, отделанное кружевами. Новые платья потребовали новых шляпок, а еще Фаина купила перчатки и кое-какие мелочи, которые в сумме стоили больше платья... В результате ее пятисотрублевый «капитал» (к тремстам отцовским мать добавила сто пятьдесят, а еще у Фаины было сэкономлено «на черный день» около пятидесяти рублей) уменьшился чуть ли не наполовину. Обед в ресторане при гостинице обошелся в полтора рубля. Извозчики в Москве запрашивали дорого, а торговаться Фаина не умела, да и неловко ей было торговаться. По театрам Фаина ходила не только днем, но и вечером, как зрительница, причем билеты брала в партер, в первый или второй ряд, чтобы не пропустить ничего – ни движения бровью, ни сказанного шепотом слова...

В Москве на каждом шагу подстерегали соблазны, начиная от синематографов и заканчивая кондитерскими. Деньги текли сквозь пальцы, но поначалу это не настораживало, потому что Фаине было не до денег и, кроме того, она рассчитывала вот-вот поступить в какую-нибудь труппу. Милейший Абрам Наумович, вспоминая обе столицы, называл их «актерским раем». В том смысле, что там без труда можно найти место для любого амплуа и раскрыть свой талант во всей его красе. С амплуа Фаина определилась легко – *grande coquette*⁷ или *soubrette*⁸, больше ей по возрасту никто не подходил. Имелись, правда, опасения, потому что для *grande coquette* ей не хватало лоска, а для *soubrette* бойкости, но лоск и бойкость – дело наживное. В новых платьях и с новой прической Фаина выглядела светской дамой (так, во всяком случае, казалось ей самой), а бойкость нетрудно сыграть, если хорошо вжиться в роль. У Абрама Наумовича Фаина играла Сюзанну в «Женитьбе Фигаро» и удостоилась похвалы мэтра. Впрочем, Абрам

⁷ Гранд-коккет – амплуа актрисы, играющей молодых светских женщин.

⁸ Субретка – амплуа актрисы, играющей бойких остроумных служанок.

Наумович хвалил всех своих студентов и на комплименты не скупился, осыпал ими с ног до головы. Настоящую Сюзанну Фаина увидела в Малом театре, где эту роль играла блистательная Лешковская. Фаина и в мыслях допустить не могла, что когда-нибудь сможет играть так же замечательно. Дай Бог хотя бы наполовину походить на идеал...

С амплуа, кстати, в Художественном театре вышел конфуз. Театральный гардеробщик, получив от Фаины рубль, посоветовал ей не пытаться пробиться к «самим» (так он называл Станиславского и Немировича-Данченко), потому что «сами» вечно заняты и до простых смертных снисходят редко, а поговорить с Леопольдом Антоновичем Сулержицким, правой рукой Станиславского. Сначала все складывалось хорошо. Сулержицкий оказался знаком с Чеховым. Разговор сразу же перешел на творчество великого писателя, и Фаине удалось сделать парочку умных замечаний. В глазах Сулержицкого загорелся интерес (это такие особенные искорки, их надо уметь видеть), но всего на несколько минут. Когда Фаина упомянула про амплуа, Сулержицкий поморщился и сказал, что Константин Сергеевич категорически против амплуа, потому что амплуа есть не что иное, как штамп и кандалы, ограничивающие свободу творчества. Фаине стало ужасно стыдно. Желая произвести благоприятное впечатление, она распиналась в своей любви к Художественному театру, восхищалась гением Станиславского, и не знала такого важного факта! От волнения с Фаиной прямо в небольшом кабинете Сулержицкого случился обморок. Когда Фаина пришла в себя, то услышала, что для актрисы она чересчур впечатлительна. Сулержицкий посоветовал ей принимать бром и пригласил на какие-то драматические курсы, на которых сам же и преподавал. Ни названия курсов, ни адреса Фаина не запомнила, да и не хотелось ей больше встречаться с Сулержицким после такого двойного позора. Отметила в уме, как деликатно ей отказали – не просто «нет», а предложили курсы – и ушла, глотая на ходу слезы. В аптеке купила бром, хотя на самом деле хотелось купить стрихнину или цианистого калия. На душе было так погано, что жить не хотелось. На Художественный театр Фаина возлагала огромные надежды. Непонятно почему, но ей казалось, что ее примут в труппу – проклятая провинциальная самонадеянность. А ей отказали, причем даже без проб – ни изобразить что-нибудь не попросили, ни продекламировать. Сулержицкий наметанным взглядом распознал в ней отсутствие таланта и решил сэкономить время. С горя Фаина заказала в номер полбутылки дорожущего «Шато Озона», оказавшегося невкусной кислятиной. Кошерное вино, которое пили дома, было сладеньким и приятным на вкус. От «Шато Озона», стоявшего чуть ли не вдесятеро дороже, Фаина ожидала чего-то невероятного, но ее ожидания не оправдались...

Ожидания вообще не оправдывались. Отказы шли один за другим. Постепенно Фаина заводила знакомства в театральной среде. Знакомства были незначительными – гардеробщики, суфлеры, актеры из разряда «кушать подано», – но полезными. Никто не раскроет театрального закулисы так, как гардеробщик, который все про всех знает. Никто не обрисует ситуацию на актерской бирже лучше актрисы, успевшей в свои двадцать с небольшим хлебнуть лиха большой ложкой. Что же касается суфлеров, то у них по всем театрам раскинута невидимая сеть тайного суфлерского братства, которое иногда может оказаться полезней масонского. Несколько раз суфлеры давали хорошие советы, но даже там, где была нужда в актрисах, Фаине отказывали. Когда после проб, а когда и до них. Больше всего портило впечатление ее заикание, имевшее обыкновение усиливаться от волнения. А если собеседники смотрели насмешливо-снисходительно или начинали иронично улыбаться, то Фаина и собственного имени без запинки произнести не могла, не то что монолог Софьи прочесть. Хороша актриса, нечего сказать!

Временами у нее мелькала мысль о том, что отец, наверное, был прав. Актриса из нее не получится. Все похвалы, которыми за четыре рубля в месяц осыпал ее Абрам Наумович, можно забыть. «Нет, получится!» – пугалась Фаина и вечером, перед тем, как заснуть, разыгрывала

в лицах отрывок из какой-нибудь пьесы перед маленьким и тусклым зеркалом, висевшим на стене.

Зеркало было таким, потому что экономии ради пришлось переехать в меблированные комнаты «Альгамбра» в Большом Гнездниковском переулке. Вывеска напомнила юной любительнице поэзии про «узорчатой Альгамбры колоннады иль рощи благовонные Гренады»⁹, но внутри ничего подобного не было и в помине, во всяком случае, в сорокакопеечном номере. Там пахло затхлым, а узор на стене состоял из пятен, оставленных погибшими клопами. Одна только радость, что «Альгамбра» находилась в центральной части, в двух шагах от бульваров, по которым Фаина уже привыкла гулять. Просить денег из дома не хотелось. Мама бы ужаснулась, узнав о том, что за каких-то два месяца дочь растратжирила четыреста пятьдесят рублей (про сэкономленные пятьдесят никто, кроме Фаины, не знал). С разменом последней «катеньки»¹⁰ началась другая, совершенно нероскошная, жизнь, позволившая неопытной восторженной дурочке сделать кое-какие выводы и познакомиться с изнанкой столичной жизни. «Москва бьет с носка», сочувственно сказал Фаине гардеробщик Малого театра Василий Иванович. Так оно и было. С носка, да с размаху...

Обедать за двугривенный и жить в «Альгамбре» было нестрашно. Страшным казалось полное отсутствие перспектив. Фаина упорно моталась по Москве, теперь уже не на извозчиках, а где пешком, где на трамвае. На трамвае, несмотря на толкотню в вагонах, ездить было интересно. Фаина никак не могла понять, как едет трамвай без лошади. Знала, что электричество, но понять все равно не могла. Про автомобили ей еще в Таганроге объяснил брат Яков, а про трамвай он объяснить не мог, потому что в Таганроге не было трамвая. Да и автомобили можно было по пальцам сосчитать, не то что в Москве. На один автомобиль, блестящий, роскошный, похожий на сделанную из пламени небесную колесницу, Фаина так загляделась, что едва под него не попала. Это было давно, в прошлом месяце, еще в пору великих надежд...

Жизнь катилась под уклон как сброшенный с горы камень. Из «Альгамбры» Фаине пришлось съехать после скандала. Кто-то из соседей, услышав, как Фаина репетирует вечерами, наябедничал хозяину, что она, дескать, водит к себе мужчин. Фаину выставили вон, потому что «Альгамбра» – приличное заведение. Ага, «приличное», как бы не так! Просто те, кто водит гостей, должны доплачивать за то, чтобы хозяин закрывал глаза на их промысел, в этом все дело. Бойкости от московской жизни у Фаины изрядно прибавилось, поэтому в ответ на «гулящую» она выдала толстому свиноподобному хозяину столько нелестных слов, что он утратил дар речи и только пытел да грозно пучил глаза.

Фаина переехала к черту на кулички, в «Сан-Ремо» в Салтыковском переулке. Смешная география – из Марсея в Альгамбру, из Альгамбры в Сан-Ремо и все это не выезжая из Москвы. У Фаины был дар подмечать смешное.

В «Сан-Ремо» она попала случайно, неожиданно. Остановила после своего «изгнания» из клопиной «Альгамбры» извозчика (не тащиться же на трамвае с чемоданами и шляпными коробками) и попросила отвезти ее в недорогие, но приличные меблированные комнаты. Тот и отвез, чтоб ему дожить до ста двадцати лет. Пусть и далековато, но приличная чистая комната с окном, выходящим во двор, здесь стоила двадцать пять копеек и в эту цену вдобавок полагался чай, сколько выпьешь, только со своим сахаром. И хозяйка, Луиза Эдвардовна, ревельская¹¹ немка, оказалась милой добродушной тетушкой. Встретила Фаину как родную, сразу усадила пить чай, ну а когда за чаем выяснилось, что Луиза Эдвардовна в юности тоже мечтала быть актрисой, то сдружились окончательно, настолько, что на Фаину повеяло чем-

⁹ Ф. И. Тютчев, «Байрон».

¹⁰ Так в обиходе назывался сторублевый кредитный билет с изображением императрицы Екатерины Второй.

¹¹ Ревель – прежде название Таллина.

то домашним. Возможно, оттого, что Луиза Эдвардовна то и дело вставляла в речь немецкие фразы, напомнившие Фаине родной идиш.

То, пожалуй, была единственная удача, отпущенная судьбой Фаине за все время пребывания в Москве. Пора было признаваться себе в том, что из ее затей ничего путного не вышло, и возвращаться домой, но Фаина тянула время, продолжая на что-то надеяться, сама не понимая на что, потому что от ее надежд остались одни осколки. К разбившимся надеждам добавилось разбитое сердце, потому что в Москве Фаину угораздило влюбиться. Какая же взрослая жизнь без любви?

После той неудачной встречи с Сулержицким Фаина больше не предпринимала попыток покорить Художественный театр. Какой смысл? Все равно ничего не выйдет, раз тебе дал от ворот поворот помощник самого Станиславского, только назойливой деревенщиной прослынешь. Но на спектакли ходить она продолжала, правда постепенно, из-за экономии, была вынуждена переместиться с передних рядов в задние. «Трех сестер» Фаина посмотрела трижды. И не столько потому, что великолепная чеховская пьеса была поставлена блестяще и дарила истинное наслаждение, сколько из-за актера Берсенева, игравшего подпоручика Родэ. Совсем не та роль, которая позволяет произвести впечатление на публику, но дело было не в роли, а в самом Берсеневе. У него только имя было скучное – Иван Николаевич, а все остальное... Пронзающий взгляд, чеканный классический профиль, волевой подбородок и обворожительная улыбка... Фаина впервые в жизни осознала, что в любовных романах пишут не выдумки, а сущую правду. Все прежние ее влюбленности были не чувством, а баловством, поэтому она и считала, что авторы романов выдумывают небывальщину, чтобы угодить впечатлительным читательницам. Нет! Ничего они не выдумывали. В самом деле можно трепетать при виде своего кумира, трепетать словно листочек на ветру. Можно таять от его взгляда. Можно жить одной любовью, забывая про обеды и ужины. Про завтраки забывать не получалось, потому что вырвавшись на волю из родительского дома, Фаина перестала завтракать. Только кофе пила, чашку или две. Поутру у нее никогда не было аппетита, но родители считали плотные завтраки залогом хорошего дня, поэтому волей-неволей приходилось запихивать в себя еду.

От любви и вечной беготни в поисках места Фаина похудела, причем порядком, так, что пришлось заузить платья. Но внешности это пошло на пользу. Талия стала тоньше, отчего фигура приобрела изящность, щеки перестали быть по-детски пухлыми, а круги под глазами добавили взгляду выразительности.

Подойти к своему кумиру с букетом после спектакля, заговорить с ним или написать ему записку Фаина не решалась. Она даже аплодировать не могла, если Берсенов был на сцене – разводила руки и замирала так, подобно нектасти обернувшейся жене Лота. В мечтах, конечно же, рисовала случайные встречи на бульваре или еще где. Пройти мимо, уронить сумочку или зонт, поблагодарить, «узнать», выразить свое восхищение... И так далее. Мечты заходили далеко, очень далеко, туда, куда даже надеждам вход был запрещен... В жизни же все ограничивалось прогулками по Камергерскому переулку. Триста восемьдесят пять шагов в одну сторону, триста восемьдесят пять – в другую. От Тверской к Большой Дмитровке и обратно. Около тумб с афишами Фаина останавливалась помечтать. «Аркадина – г-жа Фельдман» или «Раневская, помещица, – г-жа Фельдман» виделось ей на афишах. И чем чаще виделось, тем становилось понятнее, что ее фамилия не годится для театра. Не всем так везет, как Комиссаржевской, чтобы и красотой Бог наградил, и талантом и звучной фамилией. Впрочем, везение штука непостоянная – умерла бедная Вера Федоровна в Ташкенте от оспы... И какая нелегкая понесла ее в тот Ташкент? Отец Фаины бывал в Ташкенте по делам и отзывался о нем, как об ужасной дыре. Ах, если бы Комиссаржевская была жива! Если бы она открыла свою театральную школу! О том, что у великой актрисы были такие намерения, Фаине рассказал кто-то из гардеробщиков. Ах, Вера Федоровна, Вера Федоровна...

Всякий раз, при воспоминаниях о Комиссаржевской, на глаза наворачивались слезы. Иногда их удавалось согнать частым морганием, но если на печаль о великой актрисе накладывались думы о своей горькой участи, то слезы лились ручьем – только успевай вытирать.

– Что случилось? – спросил сочный бархатный баритон. – Почему вы плачете? У вас горе?

Сильная и твердая, явно мужская рука взяла Фаину за дрожащий локоть. В жесте не было ничего фривольного, всего лишь желание поддержать, потому что от неожиданности она вздрогнула и чуть не упала на ровном месте. Голос был знакомым. Это был голос ее кумира! Этим голосом он восклицал: «Прощайте, деревья! Гоп-гоп!». Неужели...

Отняв платок от глаз, Фаина сфокусировала зрение на стоящем рядом с ней мужчине и убедилась в том, что это был Берсенева. Совпадение, могущее стать завязкой романа, закончилось обмороком. Придя в себя, Фаина увидела, что она лежит на трех составленных рядом стульях в кассовом вестибюле Художественного театра. Над ней со стаканом воды в одной руке и раскрытым веером в другой стояла полная женщина в черном платье.

– Как вы себя чувствуете? – спросила женщина. – Надо ли послать за доктором?

– Не надо! – ответила Фаина и встала.

У нее было только одно желание – поскорее уйти. А то еще пройдет мимо Сулержицкий, узнает ее и решит, что она припадочная.

– Иван Николаевич пошел в гримерную за нашатырем, – продолжала женщина. – Но, насколько я могу судить, вам нашатырь уже не требуется...

– Нет-нет! Спасибо! – пробормотала Фаина и пулей выскочила за дверь.

Вот и вся любовь...

В театральном агентстве Рассохиной сухопарая дама в пенсне объяснила Фаине, что у нее нет актерских данных – ни внешности, ни дикции, ни способностей и, вдобавок, нет образования. Все эти выводы дама, которую звали Ольгой Ивановной, сделала не проговорив с Фаиной и пяти минут.

– Я знаю, милочка, как неприятно порой бывает слушать правду о себе, – добавила она после того, как вынесла свой «вердикт». – Сейчас вы на меня сердитесь, это по глазам вашим видно, но придет время и вы станете благодарить меня за то, что я своевременно избавила вас от напрасных иллюзий, поверьте мне.

– Я вам не «милочка» и я вам не верю! – выкрикнула в лицо непрошеной советчице Фаина. – И благодарить я вас никогда не буду! А актрисой я стану! Стану! Назло вам! Назло всем!

На шум из своего кабинета вышла хозяйка конторы Елизавета Николаевна Левинская-Рассохина, энергичная и говорливая пятидесятилетняя дама. Она увела дрожащую от гнева Фаину в свой кабинет и долго объясняла, что Ольга Ивановна не хотела ее обидеть, что актерская профессия требует особого дара, искры Божьей, что на свете существует множество других интересных занятий... От пустословия у Фаины разболелась голова. В кабинете у Рассохиной было душно, а от хозяйки пахло тяжелыми удушливыми духами. Испугавшись, что с ней может случиться очередной обморок, Фаина поспешно согласилась со всем, что ей наговорила Рассохина, и ушла.

В тот же день она отправила домой телеграмму с просьбой выслать денег на дорогу. Сумму не назвала. Отец на радостях прислал пятьдесят рублей, хотя мог бы ограничиться и двадцатью, которых хватило бы на билет во втором классе.

«Это год такой, несчастливый, – успокаивала себя Фаина, глядя на мелькавшие за окном деревья. – Девятьсот тринадцатый... Тринадцать – несчастливое число. Плохой год, гадкий. Вот четырнадцатый будет совсем другим. Непременно – счастливым. Подучусь еще у Абрама Наумовича... Только надо будет попросить, чтобы он хвалил меня поменьше, а ругал бы почаще. Так будет больше пользы...»

Она ехала в Таганрог первым классом, точно так же, как и ехала в Москву из Таганрога. Вот только настроение было не «первоклассным», а хуже некуда. Даже мысль о том, что в будущем «счастливом» году она непременно возьмет реванш, совершенно не утешала. До будущего года было так далеко... Почти четыре месяца и потом еще ждать до апреля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.